

В.И. МАРКОВИН. Дискуссионные проблемы в изучении дольменов Западного Кавказа

Светлой памяти брата Бориса посвящаю

Успехи, достигнутые населением бассейна р. Кубани и прилегающих районов Причерноморья в эпоху неолита явились основой для дальнейшего развития разнообразного мастерства местных племён. И хотя здесь пока ещё не изучены сколько-нибудь значительные памятники переходного времени – от камня к металлу (их называют энеолитическими), нет сомнения, что и на интересующих нас территориях жили в это время земледельческо-скотоводческие племена. Косвенным подтверждением такой возможности является наличие в соседней Абхазии и Западной Грузии хорошо известных энеолитических поселений (у сел. Мачара, Гантиади, на горе Гуад-иху, в Тетрамице и в других пунктах). Последующее время характеризуется распространением бронзы. Особенно ярким памятником этого времени является курган «Ошад», раскопанный Н.И. Веселовским возле г. Майкопа в конце XIX в. (ОАК, 1897, с. 3 – 10). Материалы именно этого кургана послужили основой для выделения особой майкопской культуры эпохи бронзы.

Аналогичные курганные памятники в дальнейшем были обнаружены у станиц Казанской, Тбилисской, Новосвободной, Махашевской, Ярославской, Псебайской, Андрюковской, у г. Армавира и в других местах, а также далеко за пределами Краснодарского края. В итоге древности майкопской культуры получили довольно широкое распространение, а заодно и равнодействующий термин в виде «больших кубанских курганов». По этому поводу можно сказать, что их, пожалуй, было бы правильнее называть «большими северокавказскими курганами», так как ареал подобных памятников захватывает почти весь Северный Кавказ, тем более вполне возможно, что это были близкородственные племена со сходными чертами в обряде погребения (курганы с большим количеством камней в насыпях, каменные кольца – кромлехи, окружающие могилы, посылки их дна галечником и т. д.). К этому можно добавить, что ещё А.А. Иессен писал о взаимодействии майкопских племён с Малой Азией и Центральной Анатолией (Иессен, 1950, Стр. 49, с. 170 и сл.). На фоне этих возможных связей он же, несколько ранее, говорил о металлических изделиях из Майкопского кургана как о привозных и наоборот – о металле из курганов ст. Новосвободной как о местном, но более позднем продукте (Иессен, 1947, с. 16, 17). Мнение А.А. Иессена, в моём представлении, мало поколебалось с того времени. Его членение майкопских памятников на «две хронологические группы: раннюю (майкопскую) и позднюю (новосвободненскую)» осталось неизменным до сих пор (Мунчаев, 1996, с. 35).

Археологические исследования 70 – 80-х гг. XX в. позволяют утверждать широкое распространение майкопских племён с выходом к Чёрному морю (таково хотя бы поселение у Мысхако) (Онайко, 1970, с. 73 – 80) и охват ими значительной части современного Ставропольского края, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и даже Чечни. Последние исследования довольно убедительно показали, что некоторые представители этих племён по побережью Каспийского моря подошли даже к предгорьям Южного Дагестана (крайней точкой их движения сейчас, кажется, можно считать местность у сел. Великент, бассейн р. Уллучай) (Магомедов, 1986, с. 34, 35).

Естественно, возникает вопрос о том, какие же племена могли быть носителями такой обширной культуры. Тогда, в 80-е годы XX в., следуя за библейскими текстами и несколько ломая их, В.А. Сафронов доказывал, что данные племена – это «арамейцы Харрана», мигрировавшие на Северный Кавказ (Сафронов, 1982, с. 94). В научном плане эта версия не убедительна. Имеется менее категоричное, но более обоснованное мнение, что носители майкопской культуры по своему этническому происхождению двуприродны: с одной стороны, они содержали в себе «сугубо местный элемент, восходящий к предшествующим эпохам», а с другой – их, пожалуй, можно связывать с хаттскими племенами, т. е. малоазийским населением, этноязыковая близость которого кавказцам сейчас постулируется некоторыми учёными (Мунчаев, 1975, С. 413; Меликишвили, 1954, С. 75).

Настало время вспомнить о больших новейших работах в урочище «Клады» у ст. Новосвободной, проводившихся здесь с 1979 г. (Бочкарев, Резепкин, 1980, с. 98; Бочкарев, Шарафутдинова и др., 1983, с. 82 – 84) и по 1991 г. Можно сказать, что эти раскопки окрылили мысль А.Д. Резепкина и дали основу для его научной жизни. Однако ещё до раскопок в ст. Новосвободной он уже основательно взялся за изучение не только материалов майкопской культуры, но и построек, близких дольменам и обнаруженных Н.И. Веселовским. Он заметил тогда, что я бездоказательно связываю «гробницы Новосвободной с дольменами Западного Кавказа, имеющими следы иных строительных приёмов и другие типологические черты». Это было сказано о моей книге, вышедшей в 1974 г. (Резепкин, 1977, с. 314 – 318; см. также: Марковин, 1974). Немного позже в его распоряжение попали новые могильные комплексы урочища «Клады» у ст. Новосвободной. Это были не сомнительные захоронения, вскрытые Н.И. Веселовским и сопровождаемые такими же рисунками, а «живой» материал, лично осмотренный, обмеренный и осмысленный. Но раз А.Д. Резепкин

ещё в 1977 г. писал, что постройки прямоугольного плана, но имеющие лаз и притвор (как у дольменов), не могут называться дольменами, то ничто не может сбить его с «этой стези», хотя прямоугольные дольменные постройки, обнаруженные в Абхазии (работы А.А. Миллера, В.И. Стражева и др.) и давно известные на Кубани (Е.Д. Фелицын), уже назывались дольменами и этот термин «сроднился» с ними.

Наслаивая свои мнения одно на другое и не изменяя и не пытаясь хотя бы уточнить их, А.Д. Резепкин в итоге получает сложнейшей формы мешанину, которая расползается на гигантские расстояния, захватывая самые разнообразные территории. Вот хотя бы один образец: анализируя погребение 5 кургана 31 (эту гробницу я бы назвал дольменом), автор оперирует культурами воронковидных кубков Центральной и Северной Европы, ранних шаровидных амфор, затем вспоминает индийскую «Махабхарату» с «амритой» – живой водой. Если затронуть другие захоронения, то всплывают у него ассоциации с подковообразными гробницами Португалии и Сардинии, галерейными могилами Центральной Европы, культурой воронковидных кубков и др. (Резепкин, 1987, с. 31 – 33; он же, 1988, с. 156 – 163; см. также: Марковин, 1994, с. 35-38).

Много писалось о том, что необходимо издать все комплексы, открытые в урочище «Клады». И вот они изданы (Rezepkin, 2000), но, увы, рисунки выявленных захоронений не блещут ясностью. В изданном тексте выделено всего пять разнородных типов захоронений со всеми деталями и стратиграфическими соотношениями. И всё же и в этой работе замечен разброс. Аналогии своим материалам он «находит» то в Триполье-Кукутени, Флорешти, а то в Амуке, Арслан-тепе и т. д. Это же Украина, Румыния, Турция, Сирия и др. страны, разные «климаты» и культуры! С.Н. Кореневский совершенно верно замечает в своей рецензии, что из работы А.Д. Резепкина трудно понять историко-культурное значение употребляемого им словосочетания в виде «новосвободненская группа памятников». Оно очень расплывчато и не может быть сопоставимо с культурой воронковидных кубков Центральной Европы, постулируемой в качестве основы для сложения местных племён (Кореневский, 2002, с. 171). Я вполне согласен с С.Н. Кореневским, как и с его несколько скептическим отношением к предлагаемым А.Д. Резепкиным датам курганов, которыми он оперирует в дальнейшем (разные века IV тыс. до н. э.). Меня больше всего удивило смешение в одну кучу, хотя и по группам, таких памятников, как дольменные гробницы и могилы, обложенные камнями (Rezepkin, 2000, s. 5, 5, Abb. 1). Это ведь разные памятники и надо ещё обдумать, с чем связано сходство в их инвентаре, если оно действительно имеет место. Как видно, курганы «Кладов» хотя и опубликованы (за что автору большое спасибо), но ещё только-только начато их реальное изучение. В этом смысле я вполне согласен с С.Н. Кореневским, что майкопская культура менее всего связана с новосвободненскими древностями (тем более с дольменами) и тот новый термин, который стал употребляться в виде словосочетания «майкопско-новосвободненская общность» вряд ли имеет право на научную жизнь. Кстати, новосвободненские памятники, которые А.Д. Резепкин остерегается называть дольменами в открытых им комплексах, давно уже кажутся мне пришлыми и не слитыми общей культурой с другими местными памятниками (Марковин, 1994, с. 38, 39).

Оставим майкопскую культуру специалистам и поговорим о дольменах – памятниках разнообразных и до сих пор вызывающих самые разные толки. Давно уже появилось мнение, что земляные катакомбы и дольмены – крупные сооружения из камня – это нечто родственное (этнически, конструктивно?) (Кияшко В., 1979; Кияшко А., 1991, с. 61; Он же, 1999, с. 80; Он же, 2000, с. 157). Они говорят в основном о «дольменно-катакомбном погребальном обряде». Вероятно, суждение этих авторов послужило и служит фундаментом для появления версий близкого типа. Такого мнения М.Б. Рысина, предложившего оперировать понятием «дольменно-катакомбной общности (общность культур склеповых погребений)» (Рысин, 1993). Возможно, здесь сказались и давнее предложение М.И. Артамонова о необходимости сопоставления материалов из памятников дольменной, катакомбной и других культур (Артамонов, 1949, с. 333). Молчаливый диспут по этому поводу пока не завершён. Я только удивляюсь бездумной смелости упомянутых авторов, забывших на время написания своих статей о том, что дольмены – памятники архитектуры, и напоминающие их сооружения имеются во многих странах мира, а катакомбы (своеобразные ямы), кажется (не берусь блистать эрудицией), не заходят за пределы Восточной Европы, хотя уже в Дагестане найдены катакомбы несколько иного облика. К тому же ранние дольмены древнее катакомб.

Несколько особняком стоит мнение Н.Г. Ловпаче, поданное им как «Этническая история Западной Черкессии» (имеется в виду Адыгея). В этой работе разобраться не так легко в силу того, что автор старается примирить самые различные и противоречивые мнения и материалы. Я уже как-то писал об этом (Марковин, 2000, с. 33). Н.Г. Ловпаче то соединяет в своей книге несоединимое: таковы древние народы (хатты-хетты), то разъединяет два названия одного и того же (минералы змеевик и серпентин). Но в последнем случае не было бы большой беды, если бы не стремление автора подавить читателя своей эрудицией и полной уверенностью, что он прав. Читая книгу Н.Г. Ловпаче, вспоминаешь А.А. Иессена, Е.И. Крупнова, С.В. Киселёва. Они никогда не скрывали своих сомнений в предполагаемых версиях, смело утверждали неоспоримые факты и с легкой улыбкой вспоминали свои прошлые промахи...

Н.Г. Ловпаче, говоря о «майкопском обществе» и называя его «иерархическим», указывает, что ему иерархический тон в бассейне р. Кубани задавали более развитые «в этом плане представители степной скотоводческой культуры, каковой была соседняя в При-кубанье ямная культурно-историческая общность» (Ловпаче, 1997, с. 34). И невольно вспоминаешь степные могилы с кавказским металлом, с украшениями из кавказских камней (сердолики, халцедоны и проч.). Оказывается, все не так. И там же другое утверждение: говоря о двухкамерных дольменах (испыунах) в урочище Хашпек (Клады)¹, Н. Г. Ловпаче утверждает, что первые камеры «в результате сравнения с западноевропейскими мегалитическими гробницами культуры воронковидных кубков эпохи энеолита и шаровидных амфор ранней бронзы можно рассматривать как индоевропейские (праарийские), вторые – как кавказские и, конкретно, атыхские» (с. 34). Интересно, могут ли такую ситуацию представить себе археологи и историки, ведь речь идёт об одном и том же памятнике, так сказать – двусоставном: одна его часть позднего типа (индоевропейская), другая – более древняя – чисто кавказская. Может быть, я что-то не так понял?

Или вот. Н.Г. Ловпаче считает условностью деление археологических материалов на майкопскую и дольменную культуры. «Правильнее видеть в Майкопской культуре горно-атыхский компонент в виде мегалитической архитектуры» (с. 40). Эта мысль не очень понятна, тем более в дальнейшем тексте имеет место нагромождение известных фактов и тут же легенд, поверий, не подвергнутых деловой научной и авторской систематизации. Рядом вспоминаются «голубоглазые иныжьи» (индоевропейцы), «хатты-хетты», «ав-хаты-авхеты», «испы-исепы», «тореты (тореаты)», «каска» и «абес-ла» и т. д. (с. 42–48). И ещё удивительнее факт: Н.Г. Ловпаче без ссылки на Л.И. Лаврова приписывает ему мнение о строительстве дольменов испами и именно в то время, когда «исчезла даже память о погребениях в дольменах» (с. 44)². Л.И. Лавров же писал по этому поводу следующее: «Так как нет серьёзных оснований для того, чтобы предполагать на северо-западном Кавказе смену населения на рубеже бронзы и железа, то строителями дольменов нужно считать предков адыгейцев, кабардинцев, убыхов, абазин и абхазов» (Лавров, 1960, с. 106). Таково положение дел в действительности. Кстати замечу: изучив добрые сотни дольменов и раскопав не один десяток их, я вполне согласен с приведённым авторитетным мнением Л.И. Лаврова, о чём и писал уже в своё время (Марковин, 1978, с. 322, 323).

В заключение этого раздела напомним, что книга Н.Г. Ловпаче является учебным пособием и его учёность, сквозящая в каждой строке, вероятно (по мысли автора), растрачена не напрасно. И всё же мне кажется, что более доступный и конкретный язык дал бы больше знаний, чем подобная «эрудиция»³.

Продолжу обзор литературы. Здесь необходимо вспомнить последнюю статью М.К. Тешева. На неё много ссылок, хотя она противоречива по своему содержанию, а приложенные к ней рисунки научной ценности не имеют. Речь идёт о кургане Псынако I (Тешев, 1988). Вполне можно согласиться с мнением Ю.Ю. Пиотровского, что он был романтиком (Пиотровский, 2001, с. 89), лишь с небольшим «но» – не любил всегда и везде учиться, и чаще воспринимал не факты, а то, что ему показалось или примыслилось.

Курган Псынако I, о котором пойдёт речь, был обнаружен в 1972 г. По какой-то причине сразу же не были начаты его раскопки. К ним приступили только в 1983 г. М.К. Тешев копал огромный курган небольшими разбросанными площадями (6х2 и 4х2 м). В 1984 г. мне пришлось возглавить работы, а он стал моей «правой рукой». К сожалению, при мне он чертежи не делал, и опубликованная им графика не отвечает действительности. Северо-восточная часть кургана вообще не копалась, так как на ней росли мощные деревья и мелкая поросль. 14 плит перекрывали дромос, ведущий в дольмен, у него на рисунке их почему-то 15. В дромос можно было спуститься с небольшого входного расширения – по другую сторону от дольмена, он же пишет, что в дромос входа не было (Тешев, 1988, с. 164–168). Этому противоречит не только конструкция дромоса, но и два факта: втулка дольмена была сильно сточена, её, несомненно, многократно вытаскивали; и затем – в расширении дромоса, у выхода, найдены следы многократно заживавшегося костра, которым освещался этот проход к дольмену (Markovin, 1993, s. 249-272, Abb. 1-15; Марковин, 1997, с. 312 – 339, рис. 165–178). Почему появились ошибки в работе М.К. Тешева, я понять не могу до сих пор; в его руках были все материалы экспедиции, включая чертежи, сопровождавшиеся контрольными снимками⁴. И ещё одна «романтическая» деталь – М.К. Тешев почему-то полагал, что конструкции кургана Псынако I дают право считать его «Храмом Солнца». Он так и говорил: «Разумно предположить, что подобное сложное и необычайное сооружение могло явиться пирамидой (храмом)

¹ Н.Г. Ловпаче в своей книге любит блеснуть местными названиями, не принятыми официальной наукой. Они имеются и в книге, написанной в соавторстве с И.Ю. Джанхотом (Джанхот, Ловпаче, 1999, с. 12 и сл.). Это большая загадка для иностранцев, ибо перевода для них нет.

² В книге Н.Г. Ловпаче (с. 44) вместо работы Л.И. Лаврова упоминается почему-то статья П.У. Аутлева (Аутлев, 1974, с. 53)

³ В.А. Трифонов рассматривает книгу Н.Г. Ловпаче как «смесь противоречивых, недостоверных и мистифицированных сведений» (Трифонов, 2001, с. 52, примеч. 51)

⁴ Кстати, этими чертежами уже пользуются зарубежные авторы (Hansen, 1996)

Солнца. Возможно, и погребальным сооружением». А далее следует «обоснование мнения». Считаю, что это заявление сделано им для «красивости», тем более, несколько позже тот же курган Псынако I провозглашается «древнейшей обсерваторией» (Храм Солнца... 2001, с. 91, 92). По этому поводу мне нечего сказать.

Однако курган Псынако I привлёк определённое внимание своим дромосом (его длина 11 м 70 см). Н.В. Кондряков обнаружил ещё 9 дольменных построек с соответствующими дромосами, которые служили «пролазами», ведущими в сооружение (Кондряков, 1999, с. 4-7; Он же, 1996, с. 9-12; Он же, 2000, с. 120-123). Если обнаруженные дромосы были по величине меньше, чем у Псынако I, то они позволяют все же изменить моё мнение о его уникальности.

Говоря о типологии дольменов, мне кажется, необходимо рассматривать только их основное «ядро» – камеру, а затем уже осмысливать все пристройки к ним: в виде дромосов, отходящих от них каменных «усов» и т. д. Естественно думать, что такие пристройки исторически могли возникнуть на отдельных постройках позже самой основы в виде камеры. Это и дало мне относительное право все многообразие дольменов свести к четырём типам (с учётом замечаний Е.Д. Фелицына и Л.И. Лаврова): плиточные постройки (сложенные из плит и перекрытые плитой или плитами); составные (сложенные из сочетания плит и отдельных блоков)⁵; корытообразные (камера выбита в монолите и перекрыта плитой). Долгие годы считалось, что только у корытообразных дольменов встречаются ложные втулки (обычно со стороны псевдофасада), но, как показал М.И. Кудин, они имеются и у плиточных построек (Кудин, 2000, с. 127, 128)⁶. И последний тип дольменов (сейчас представлен одним образцом, сохранившимся у сел. Волконка) может называться монолитным. Он целиком (с перекрытием) высечен в скале и только его фасадной части придан вид, напоминающий плиточный дольмен.

Приставные плиты, отдельные камни, скрытые входы, ложные пробки, имитации порталных камней в «корытах» и монолитных сооружениях – все эти «наслоения», если так можно сказать, даже визуально свидетельствуют о длительности их существования и естественных, по ходу времени, изменениях в архитектуре. В.А. Трифонов совершенно справедливо замечает, что дольменная культура в основном сменила майкопскую (Трифонов, 2001, с. 48). Вероятно, именно в этот период, при некоторой подвижности куро-аракс-ских племён, в дольменах появляется не частая, но внешне блестящая (лощёная) и внешне не очень бросакая керамика (Мунчаев, 1975, с. 163, 164; рис. 23, 24), которую А.Д. Резепкин принимает за показатель связей строителей кавказских дольменов с жителями североевропейских земель.

В связи со сказанным интересны работы В.А. Трифонова по установлению хронологических вех в бытовании культуры дольменов (Трифонов, 2001, с. 42, 43). Ему удалось в абсолютных датах⁷ представить огромный промежуток времени, занятый установлением, расцветом и угасанием культуры дольмено-строителей. В.А. Трифонов датирует бытование данной культуры от 3 200–3 000 до 2 000–1 800 гг. до н. э., деля это время на шесть ступеней (этапов, периодов) (Трифонов, 2001, с. 79–80). Предложенные даты заставляют серьёзно задуматься, и, пожалуй, даже тот материал, который я видел и частично собрал сам, особым образом сгруппировать и представить в нём некоторую эволюцию. Так, ранним дольменом можно считать постройку без лаза, обнаруженную на р. Кизинке, далее следуют дольмены со скорченными костяками, лежащими вдоль камер, затем сидящие костяки по углам, а затем по всей камере, и, наконец, превращение дольменов в своеобразные оссуарии. Естественно ожидать, что даже собранный мной относительно не очень большой материал позволит проследить появление в плиточных постройках без лаза изменения конструкции и формы дольменов от почти прямоугольных к трапециевидным формам, от потрясуще аккуратных к небрежным. И так по всем типам: от трапециевидных к почти круглым среди составных сооружений; от подражающих плиточным постройкам до естественных скал, но с порталом и плитой-перекрытием, и камерами от трапециевидного плана до камер кувшинообразной формы. Таковы изменения в корытообразных дольменах. Было бы очень интересно хронологически проследить изменения в форме самих дольменов, а параллельно – в обряде погребения в них и соответствующем инвентаре.

Вот какие мысли приходят в связи с возможностью иметь чёткую и общую хронологию для дольменных сооружений⁸.

Многие исследователи считали, что дольмены оставлены далёкими предками абхазо-адыгов (Л.И. Лавров, Н.Д. Инал-Ипа, Ю.Н. Воронов, П.У. Аутлев, В.И. Марковин, об «атыхах» пишет Н.Г.

⁵ Кажется, именно этот тип дольменов А.В. Дмитриев называет «блочным» (Дмитриев, 2001, с. 63, 64)

⁶ В другой работе М.И. Кудина приведены «ритуальные факты», не всегда подкреплённые действительными обстоятельствами, в том числе и цитируемыми авторами

⁷ Думая, что и эти даты со временем будут уточнены и существенно подправлены

⁸ Раскопки В.А. Трифонова в бассейне р. Жанэ и восстановительные работы, предпринятые там же, позволили вернуть к «жизни» округлый составной дольмен и тщательнейшим образом раскопать плиточное сооружение, обнажив вокруг него большую площадь. Оказалось, что дольмен окружён прекрасно организованной площадкой (Куликова, Трифонов, 2001, с. 92 – 106). Очевидно, эта методика раскопок может считаться образцовой

Ловпаче). Конечно, хорошо иметь подборку материалов, отражающую связь культуры абхазо-адыгов с дольменным материалом, будь это предания, сказки, поверья, поговорки, легенды и т. д. О том, что адыги с уважительным трепетом относились к дольменным постройкам известно, но научного обобщения, посвящённого этому вопросу мне не известно. Вот этим заняться бы аспирантам, изучающим абхазские и адыго-кабардинские предания...

В своих работах по мегалитам я большое внимание придавал Средиземноморью – определённому сходству дольменов Кавказа со средиземноморскими сооружениями. В связи с этим невольно вспоминаются баски, населяющие Пиренейский полуостров. Их язык родственен кавказским языкам. Причём по мере удаления к Каспию, это языковое сходство ослабляется. К. Бонда и В. Пизани прослеживают своеобразную языковую «трассу» от Испании до Кавказа, доказывая ещё докельтские связи между этими регионами (Пизани, 1956, с. 196; Bonda, 1948, s. 182).

Приведу ещё заключительную цитату, принадлежащую языковеду Ю.В. Зыцарю: «Вполне возможно, что родственные предки басков и кавказцев, осев местами по берегам Средиземного моря на всем их протяжении ещё до прихода хамито-семитских и индоевропейских племён, составили основной «цвет» в первоначальной этнической мозаике Средиземноморья» (Зыцарь, 1955, с. 63). Как видно, есть основания подумать и над данным вопросом.

Вот и закончен предпринятый очерк. **Здесь я не стану вспоминать «романтические новеллы» В. Мегре, рассказы о профессоре Щетинине и А. Солнцева «со товарищи»,** а также глубокомысленно задуманный, но пустой экскурс В. Рыбникова в «предысторию» дольменов и целый ряд других, но подобного типа статей и заметок. Им в какой-то степени воздали должное и я, а сейчас и мой коллега Ю.Ю. Пиотровский (Марковин, 2000; Пиотровский, 2006, с. 10–18). Можно в качестве резюме сказать, что очень многие подвизавшиеся авторы кроме «проб пера» в изучении дольменов дальше и не пошли. В чём же здесь дело?

Попробую ответить. Дольмены – сложные археологические памятники, а конструктивно не такие уж простые архитектурные объекты и своей широкой видимой распространенностью повергают в смятение. Кавказ как один из районов их простираения сам по себе очень сложен и географически, и этнографически. Исследователи (назовем их так), взявшиеся за изучение дольменов на первых порах над этим не задумываются. И напрасно, стоило бы. Даже такой крупный исследователь-этнограф как Л.Г. Нечаева потратила много времени в поисках дольменов в тех точках Кавказа, где их никогда не было. Изучение дольменов Е.И. Крупнов считал очень важной задачей, за которую он предлагал браться только тому, кто исходил горы Кавказа, ознакомился с самыми разнообразными памятниками его древности. При этом он требовал и приветствовал знание местной этнографии, географии и геологии. И будучи по натуре добрым человеком, был суров в этом отношении к выскочкам в археологии. Изучение дольменов – это не туристская прогулка, а тяжёлый труд. Надо помнить смельчаку, решившемуся на их изучение, что за его «спиной» будут стоять такие корифеи исторической науки, археологии и этнографии, как Е.Д. Фелицын, А.А. Иессен, Л.Н. Соловьев, Л.И. Лавров, Ш.Д. Инал-Ипа, О.М. Джапаридзе, П.У. Аутлев, Я.А. Федоров и многие другие. Стать вровень с ними – дело далеко не простое. Я это очень хорошо знаю. Да и знание общего кавказоведения с археолого-этнографическим уклоном здесь очень и очень может пригодиться.

И ещё последнее. Даже после научно проведённых раскопок, дольмены должны по-прежнему возвышаться, украшая пейзаж. Они требуют глубочайшего уважения к себе. Их строили люди без особых приспособлений и машин. Каждый дольмен, даже самый маленький, – это подвиг человеческого ума, показатель высочайшего строительного мастерства и интуитивного чувства, что это сделано их руками и на века.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Артамонов М.И.* Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. // СА. 1949. Вып. XI.
- Аутлев П. У.* Испы нартского этноса – не скифское ли племя «исеп»? // Учёные записки Адыгейского научно-исслед. института экономики, языка, литературы и истории. Майкоп, 1974. Т XII.
- Бочхареv В.С., Резепкин А.Д.* Работы Кубанской экспедиции // Археологические открытия 1979 года. М., 1980.
- Бочхареv В.С., Шарафутдинова Э.С., Резепкин А.Д., Трифонов В.А., Бестужев Н.Г.* Работы Кубанской экспедиции 1978–1980 гг. // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983.
- Джанхот В.И., Ловпаче Н.Г.* Новые дольменные памятники Западной Черкессии. М., 1999.
- Дмитриев А.В.* Каменные исполины Черноморья // Дольмены – современники древних цивилизаций. Краснодар, 2001.
- Зыцарь М.В.* О родстве баскского языка с кавказскими // Вопросы языкознания. М., 1955. № 5.
- Иессен А.А.* Греческая колонизация Северного Причерноморья, её предпосылки и особенности. Л.: Изд. Гос. Эрмитажа, 1947.
- Иессен А.А.* К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. 1950. XII.
- Кияшко В.Я.* Параллели развития погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье и на Западном Кавказе // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы: Тезисы докладов. Донецк, 1979.
- Кияшко А.В.* К вопросу о взаимодействии степных и кавказских культурных традиций в эпоху бронзы // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991.
- Кияшко А.В.* Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.
- Кияшко А.В.* К вопросу об истоках и этапах катакомбного культурогенеза // Степи Евразии в древности и средневековье (к столетию со дня рождения М.П. Грязнова). СПб., 2002.
- Кондряков Н.В.* Мегалиты Западного Кавказа III –II тыс. до н. э. // Древности Кубани. Краснодар, 1999. Вып. 14.
- Кондряков Н.В.* Дромосы и кромлехи Западного Кавказа // Сочинский краевед. Сочи, 1996. Вып. 5.
- Кондряков Н.В.* Дромосы и кромлехи Западного Кавказа // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 7-го археологического семинара. 8–11 июня 1999 г.). Краснодар, 2000.
- Кореневский С.Н.* A.D. Rezepkin. Das friihbronzenzeitlicht Graberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien // PA. 2002. № 5. (Рецензия).
- Кудин М.И.* Дольмены и ритуал // Сочинский краевед. Сочи, 1996. Вып. 4.
- Кудин М.И.* К вопросу о ложнопортальных дольменах Причерноморья // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 7-го археологического семинара. 8–11 июня 1999 г.). Краснодар, 2000.
- Куликова О.П., Трифонов В.А.* Как сохранить дольмены – культурное наследие древних народов Западного Кавказа // Дольмены – современники древних цивилизаций. Краснодар, 2001.
- Лавров Л.И.* Дольмены Северо-Западного Кавказа. – Тр. Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. Сухуми, 1960, т. XXXI.

<http://sochived.info/diskussionnyie-problemyi-v-izuchenii-dolmenov-zapadnogo-kavkaza/>